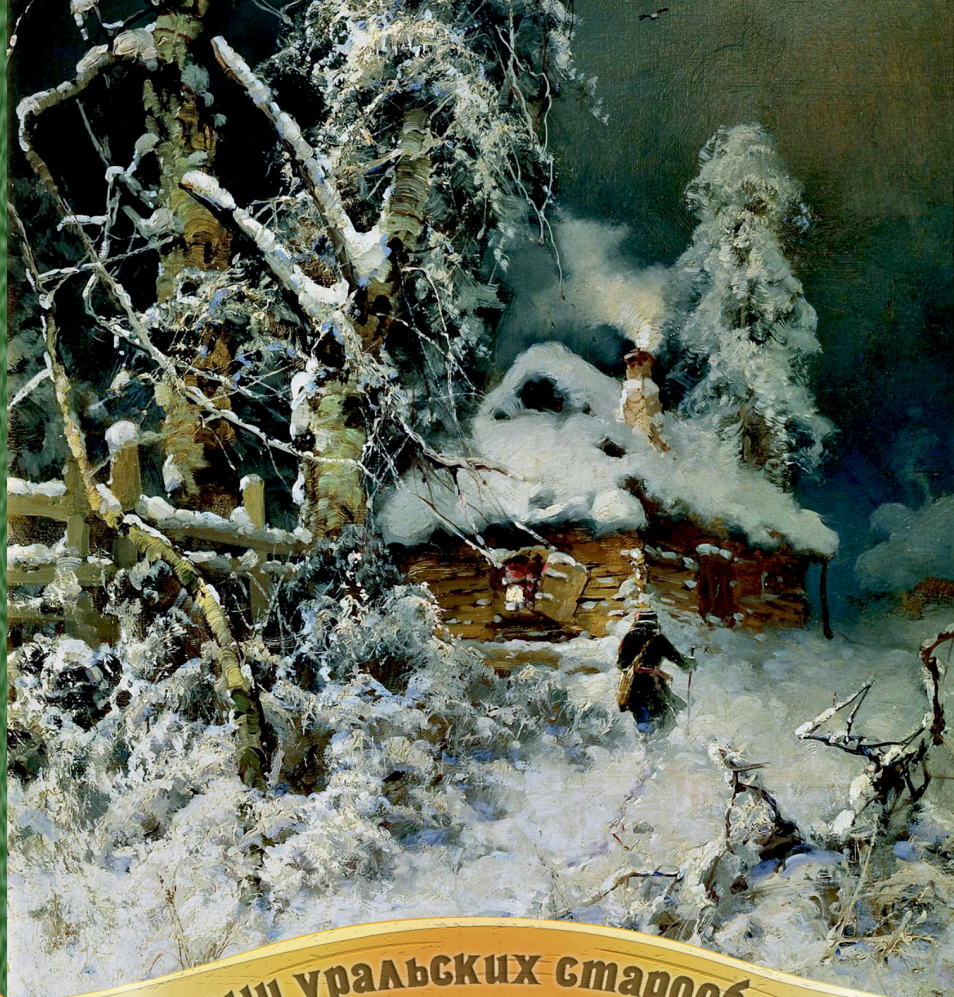

Из жизни уральских старообрядцев

Леонид
Каптерев

С стр о в о к

УДК 908=161.1(049) «311»

ББК 63.3(2Р)86.37

К-206

Каптерев Л. М. Островок (из жизни уральских старообрядцев). — Верхний Тагил: Уральское провинциальное издательство (ИП Чумаков С. В.), 2019.

Подготовлено на основе оригинал-макета печатного издания

UUID: c55b543e-11dc-468a-8e6f-9286ad360aae

Знак информационной продукции 12+

Очерк о посещении автором скита уральских старообрядцев впервые издаётся через сто лет после первого издания. В книгу включена статья об авторе – известном историке и краеведе первой половины прошлого века, рассказывающая о малоизвестных фактах из его биографии.

Издательство благодарит за помощь при подготовке книги:

Иванова Владимира Владимировича (г. Тюмень) за предоставленные фотоматериалы;

Кашина Владимира Викторовича, члена Общества изучения истории отечественных спецслужб, за предоставленные фотоматериалы;

Петрович Людмилу Юрьевну (г. Минск) за консультирование и сведения о представителях рода Каптеревых;

Плаксину Марину Георгиевну, библиографа информационно-библиотечного центра Свердловского областного краеведческого музея имени О. Е. Клера, за предоставленную информацию и консультирование;

Хлопотова Алексея Юрьевича, председателя Нижнетагильского клуба краеведов, за предоставленные копию первого издания книги и материалы из личного архива;

Центральный архив Нижегородской области за предоставленные фотоматериалы из архивного дела Каптерева Л. М.

На обложке: Юлий Клевер, «Зимний пейзаж с избушкой», 1899 г.

Редактор: Чумаков С. В.

Подготовка электронного издания: Чумаков С. В.

Все права защищены. Предназначено для использования только в личных целях. Копирование, распространение и коммерческое использование запрещены.

© Каптерев Л. М., наследники, текст, 1919, 2019

© Предисловие, оформление. ИП Чумаков С. В., 2019

ИП Чумаков Сергей Викторович, Свердловская область, г. Верхний Тагил

e-mail: uralizdat@bk.ru сайт: <http://uralizdat.ru>

группа в соцсетях: <https://www.facebook.com/groups/uralizdat>

Из жизни уральских старообрядцев

Леонид Каптерев

Островок

Уральское
провинциальное
издательство
Верхний Тагил
2019

Содержание

В ПОИСКАХ ОСТРОВКА

(предисловие от издателя).....3

ОСТРОВОК

Из жизни уральских старообрядцев

I5

II.....11

III19

IV30

V38

VI43

«Я ОЖИДАЛ ИЗМЕНЕНИЯ СОВЕТСКОГО СТРОЯ...»

(о Леониде Михайловиче Каптереве).....49

Список публикаций о Каптереве Л. М.54

Список основных работ Каптерева Л. М.55

В поисках островка

(предисловие от издателя)

Очерк «Островок» был написан автором в возрасте 34 лет на переломе эпох, когда каждый из жителей Российской Империи, независимо от прожитых лет, былых успехов и достижений, выбирал для себя дальнейший жизненный путь, новые стремления и мечты. И вот, среди бурь и ураганов, сметающих всё и всех, ломающих судьбы десятков миллионов людей, и уничтожающих их жизни, вдруг находится спокойное место, которое обходят стороной все неурядицы внешней жизни. «Островок» – старообрядческий скит, где «в древлецерковном благочестии» заканчивают своё странствие «отцы» и «матушки», ожидая «настоящей», «вечной» жизни. «Кругом шумит-бушует мирское окиян-море, а здесь покой да благодать. Пристанище благоутишное».

Читая очерк, любознательные краеведы могут заинтересоваться, где же этот «островок», о каком конкретно месте писал автор?

Конечно, это литературное произведение нельзя рассматривать как строгий отчёт о посещении конкретного скита, его художественная ценность несомненна. Недаром некоторые из современных исследователей отмечают, что оно написано в лучших традициях А. Н. Мельникова-Печерского и Д. Н. Мамина-Сибиряка. Тем не менее, очевидно, что за основу взята невыдуманная история, и сам поход, и встречи-беседы с «отцами и старицами» имели место быть, и все перечисленные в рассказе персонажи – имеют реальные прототипы. Да и подзаголовок очерка «Из жизни уральских старообрядцев» настраивает читателя на реальность описанного в нём. Однако в рассказе нет конкретного указания местоположения скита, об этом можно только строить догадки, опираясь на географические названия, проskalзывающие в описании пути до скитников.

Но уж очень они распылчаты: «Глубокое озеро, Омутный мыс, Белые горы» – такие местечковые топонимы (если они не придуманы автором) могут быть практически на любой территории Урала. Краеведы Нижнего Тагила убеждены, что речь идёт об одном из скитов, которые располагались близ Черноисточинского пруда: «...маленький островок веры и любви теплится на берегу Черноисточинского пруда. ...Из этого произведения видно, насколько полюбили автору тагильские просторы: гора Белая, Черноисточинский пруд»¹. Но никаких доказательств данного утверждения не приводят. Насколько же основательны заверения местных краеведов?

С одной стороны, есть довольно-таки весомые доводы в пользу их гипотезы. Во-первых, черноисточинские места были издавна облюбованы старообрядцами для уединения от мира. Из архивных материалов известно о существовании в начале XX века не менее полутора десятков скитов, располагавшихся в окрестностях Нижнего Тагила².

Известный в начале прошлого века служитель Нижнетагильской часовни, начетчик, один из основателей журнала «Уральский старообрядец» Кузнецов Афанасий Трофимович (1879 – 1938) в своём труде «Исторические очерки уральского старообрядчества» также писал о распространении в этих местах скитничества³.

Во-вторых, Леонид Каптерев вполне мог посещать черноисточинские места именно в январе-марте 1918 года, то есть в период создания очерка. В архиве председателя нижнетагильского общества краеведов А. Ю. Хлопотова есть открытка, посланная Леонидом Каптеревым 25 декабря 1913 года в Черноисточинский завод своему брату Вениамину, учителю местного земского училища, в которой он сожалеет, что семья брата не сможет по его приглашению приехать на Рождество. Сам Леонид Михайлович в это время жил в Верхотурье. Наверняка, и сам Леонид навещал брата в Черноисточинске, возможно, и после своего переезда в Екатеринбург.

Вместе с тем, в очерке есть ещё одна привязка к возможному местонахождению скита: Нижне-Култымский завод – гнездо «табашников-никониан», располагавшийся к северу от него. И здесь возникают сомнения насчёт Черноисточинска. Река Култым (Большой Култым) – протекает по Пермскому краю и Свердловской области. Речка совсем небольшая, её длина составляет 43 км. Черноисточинск же расположен в 150 км. к востоку от устья реки.

Явное несоответствие ориентиров: не мог «табашный» ветер дуть с севера, если его источник находился к западу от скита. Да и далеко. К тому же, упоминаний о Нижне-Култымском заводе нет ни в справочнике «Фабрики и заводы всей России», изданном в 1913 году, ни в современной энциклопедии «Металлургические заводы Урала» (Екатеринбург, 2001).

Существовал ли такой завод в действительности? Может автор замаскировал под «Нижне-Култымским» какой-нибудь близлежащий завод, например, Нижне-Тагильский, который как раз располагается к северу от Черноисточинского пруда?

Так что вопрос о местонахождении «островка» остаётся открытым. А нижнетагильским приверженцам черноисточинской гипотезы ещё придётся поработать над сбором доказательств. Впрочем, стоит ли упорно разыскивать это место? Ведь таких скитов по Уралу были сотни, если не тысячи, и каждый из них был островком уединения, спокойствия и любви для людей, презревших мирские соблазны.

¹ С. Пудовкин. «Он дружил с Бажовым»// Газета «Тагильский вариант», № 37(86) от 25.10.2012

² см: Боровик Ю. В. «Старообрядчество Урала и Зауралья на переломе эпох (1905-1927 гг). Диссертация на наискание уч. ст. к.и.н. На правах рукописи, Екатеринбург, 2003. С. 106

³ см. журнал «Уральский старообрядец», 1915 г. № 11, 12; 1916 г. № 1-2, 3, 4-5, 8.

С О В Ъ Т Ъ
ЕКАТЕРИНБ. ОКРУЖНЫХЪ КООПЕРАТИВНЫХЪ
СЪЪЗДОВЪ.

Библіотека Уральскихъ Писателей.

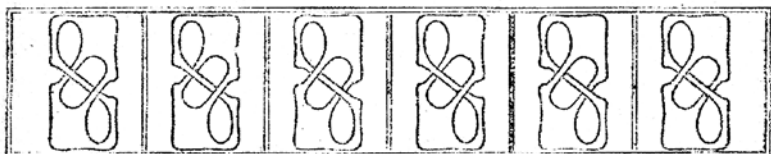
Л. М. Каптеревъ.

Островокъ.

(Изъ жизни Уральскихъ Старообрядцевъ).

ЕКАТЕРИНБУРГЪ.
Электро-Типогр. Централ. Союза Коопер. Союзозъ.
1919 г.

„Островъ“.

(Изъ жизни Уральскихъ старообрядцевъ.)

I.

Уже добрыхъ часа три медленно подвигались мы съ Афанасіемъ Авдичемъ по бѣлой ледяной равнинѣ Глубокаго озера, направляясь къ запританному въ лѣсной глуши маленькому старообрядческому снѣгу.

Сначала, пока шли подъ надежной защитой Омутнаго мыса, было тепло и спокойно. Высокій, сплошь покрытый дремучимъ ельникомъ, онъ далеко выдвинулъ въ озеро свою несокрушимо-твердую, каменную грудь—какъ меналискій утѣсъ на широкой бѣлой скатерти—и хорошо заслонялъ насъ отъ вѣтра. О томъ, что вѣтрево, можно было догадываться лишь по бѣлымъ мохкимъ облачкамъ, которыя, подобно разорваннымъ клочьямъ ваты, быстро неслись по небу.

Послѣполуденное, уже склонившееся къ закату, по все еще яркое солнце, весело играло въ небѣ, отражаясь тысячами разно-цвѣтныхъ искорокъ на ослѣпительно бѣломъ снѣгу.

Уже добрых часа три медленно подвигались мы с Афанасием Авдеичем по белой ледяной равнине Глубокого озера, направляясь к запрятанному в лесной глуши маленькому старообрядческому скиту.

Сначала, пока шли под надёжной защитой Омутного мыса, было тепло и спокойно. Высокий, сплошь покрытый дремучим ельником, он далеко выдвинул в озеро свою несокрушимо-твёрдую, каменную грудь – как исполинский утюг на широкой белой скатерти – и хорошо заслонял нас от ветра. О том, что ветрено, можно было догадываться лишь по белым мелким облачкам, которые, подобно разорванным клочьям ваты, быстро неслись по небу.

Послеполуденное, уже склонившееся к закату, но всё ещё яркое солнце весело играло в небе, отражаясь тысячами разноцветных искорок на ослепительно белом снегу.

На льду там и сям маячили чёрные точки – это рыболовы терпеливо сидели у своих прорубок, укрывшись от ветра натянутыми на рамы пологам и рогожками.

На душе было весело и радостно от сознания свободы и ожидания интересных впечатлений, запас сил казался неисчислимым, обувь и одежда были теплы и удобны, дорога – ровна и просторна.

Полной грудью вдыхая чистый морозный воздух, я бодро шагал рядом с Афанасием Авдеичем и с удовольствием слушал его безыскусственные, трогательно-простые рассказы о скитских подвижниках, о страдальцах за старую веру.

Всё было хорошо.

Но едва только обогнули мы последние отвесные скалы мыса – «крутики», как их обыкновенно называют на Урале – как нас охватило ледяное дыхание пронизывающего до костей северного ветра. Казалось, он уже давно ждал нас и, истомившись долгим ожиданием, теперь с радостной свирепостью набросился на свою жертву. Он яростно и упорно бил справа, колот лицо тысячами жгучих иголок, заплетал полы одежды, крутил по белому простору озера шипящие, серые вихри, переметал дорогу.

И чем дальше, тем труднее становился путь. Широкая, хорошо наезженная и плотная дорога превратилась в узкий, изби-

тый нырками, сыпучий гребень, на котором уже не хватало места двоим в ряд.

Мы потащились гуськом – Афанасий Авдеич впереди – и так, молча, шли в тяжелой борьбе с холодом и ветром вёрст около двенадцати.

Силы начали ослабевать. Натомившиеся от трудной ходьбы, ноги неуверенно и расхлябанно ступали по сухому, рассыпавшемуся как песок, снегу. Порой снежный хребет дороги обрывался, сменяясь лысынами зеленоватого, похожего на бутылочное стекло, потрескавшегося от жестоких морозов льда, и тогда идти становилось несколько легче.

Угас короткий декабрьский день, оставив на западе, как яркое воспоминание, широкую ленту зари. Заметно сгущавшиеся сумерки смягчили утомительную для глаз резкость дневных тонов, положив всюду мягкий голубой колорит.

И вместе с последним лучом дня, казалось, угасло и то бодрое, жизнерадостное настроение, с каким я вышел из дома. Всё больше и больше овладевало мною тупо-безразличное состояние крайней физической усталости, когда члены как будто теряют связь с нервными центрами и служат лишь по инерции, когда мысль перестаёт работать и хочется только одного – повалиться, как мешок, где попало и, невзирая ни на что, уснуть.

Озеро кончалось. Прямо перед нами, на близком уже берегу, зубчатой стеной темнел ельник, а за ним, на ярком фоне холодного зимнего заката, с постепенным переходом тонов от оранжевого до глубокого голубого, грозно и чётко рисовался огромный тёмно-синий силуэт Белых гор. Кое-где, среди далёкой синевы одевавшего горы леса, выступали бледно-лиловые пятна занесённых снегом полян.

И при взгляде на эту угрюмую громаду, на этот восхитительный по богатству красок, но такой неприветливо-холодный закат – ещё жёстче казался ветер, сильнее сказывались голод и усталость, ещё больше манило к теплу и домашнему уюту, И уже я начал малодушно раскаиваться, что пошёл.

– Далеко ещё? – окликнул я своего спутника.

Афанасий Авдеич остановился и повернул ко мне лицо, казавшееся тёмно-красным пятном в белой рамке сплошь закуржавевших бороды и косматого воротника, – так что трудно было разобрать, где кончается борода и начинается воротник.

– Что, уходился, видно, парень? – добродушно-снисходи-

тельно рассмеялся он, обивая жёсткой рукавицей с воротника пушистое белое кружево куржака.

– Ещё бы не уходить по такой-то дороге, – раздражённо буркнул я, совершенно забывая, что сам же напросился на эту прогулку и что Афанасию Авдеичу ничуть не легче моего.

Но усталый и голодный человек обыкновенно плохо рассуждает, всякая мелочь для него чувствительна и потому-то улыбка Афанасия Авдеича показалась мне обидной и окончательно нарушила душевное равновесие.

– Ничего, потерпи ещё маленько, подбадривал он меня, не замечая моего грубого тона. – Теперь уж совсем немного осталось шагать-то. Видишь, вон, – показал он палкой вдоль дороги, – вешку-то, что книзу вершинкой воткнута? Сейчас тебе тут будет поворот к берегу, а там уж не более, как с верстушку до скита-то.

Из опыта наших прежних прогулок я уже знал отлично, как обыкновенно бесконечно-длинные оказывались на поверку все эти «верстушки» и «полверстушки», но промолчал.

Дошли, наконец, до заметной вехи и круто повернули к берегу. И сразу же, едва только миновали мы прибрежную полосу сухо и тревожно шуршавших мёртвых камышей, и по засыпанной снегом дорожке углубились в извилистый зелёный коридор высокого леса, сразу стало тихо и тепло. Тесно обступившие тропу густые сочные пихты, вперемежку с рыжеватыми елями, и изредка попадавшие могучие пушистые кедры – гостеприимно укрывали нас от беспощадного, колючего ветра... Теперь он безвредно шумел и свистел где-то высоко вверху, лишь роняя иногда с ветвей мягкие хлопья снега.

Совсем сгустились сумерки, глубже стал снег и труднее путь, ещё больше гнетёт усталость. С трудом переставляешь ноги, утопая выше колен в рыхлом, недавно напавшем снегу.

– Да скоро ли, наконец?

Но мой нетерпеливый вопрос остался без ответа, и через минуту мне стало ясно, что действительно не стоило и отвечать.

Совсем неожиданно для меня оборвалась дорожка, и мы оказались на небольшой полянке, охваченной плотным кольцом дремучего леса. Посредине стоял низенький домик, с примыкавшим к нему наглухо крытым двором, домик, похожий на старый приземистый гриб с белой шляпкой.

Окон не видно – они смотрели в другую сторону.

Это и был скит.

Настоящей сказкой веяло от затерявшегося в утрюмом, старом лесу жилья и в этой, столь необычной, обстановке, казалось, нужно было крикнуть:

– «Избушка, избушка, стань к лесу задом, ко мне передом!».

– Ну, вот, и добрались, слава Богу, – прозаически промолвил Афанасий Авдеич, разрушая очарование сказки.

– Только не спят ли уж старицы-то? – вслух подумал он и вопросительно посмотрел на меня.

– Рано, ведь, здесь в лесу-то укладываются оне.

Поскрипывая настывшими валенками, он пошёл кругом скита, чтобы заглянуть в окна.

– Нет, живы ещё – сообщил он, возвращаясь с разведки, – очажок топится. Нам очень даже к разгу.

– Ну, пойдем! – пригласил он и нырнул куда-то в непроницаемую тьму крытого двора.

При скудном свете быстро сгоревшей спички я успел рассмотреть здесь поленницу дров и около двери стоявший на скамье старообрядческий гроб – выдолбленную из цельного дерева колоду.

«Уж не на похороны ли попали мы?» – тревожно подумал я и шепнул Афанасию Авдеичу:

– Видел гроб-то?

– Домовину-то? – поправил он меня. – Ты не беспокойся: это у них давным-давно заготовлено.

– Для кого?

– А кому придётся: кто наперед поспеет, тот и займёт.

Постучав в затворённую дверь, Афанасий Авдеич «помолитвовался»:

– Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!

Мёртвое молчание было ответом.

– Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас! – прокашлявшись, громче повторил он.

На этот раз его услышали. За дверью послышались медленные, шаркающие шаги и низкий старушечий голос ответил:

– Аминь!

Звякнул вынутый из дверного пробоя железный крюк, открылась обитая рогожей тяжёлая дверь, и мы вошли внутрь. И таким теплом дохнула на нас жарко натопленная русская печь, занимавшая почти половину комнаты, таким благодатным и тихим уютом веяло от чистенькой кухонки, освещённой лишь трепет-

ным огоньком лампы, что позабылись все дорожные невзгоды.

Нас встретила высокая, сухощавая, немного сгорбленная, но ещё крепкая старуха, того, теперь уже исчезающего типа, который на Урале определяют метким словом «кондовый». Такие люди как будто не знают износа и их железным телам вполне отвечают их суровые, непреклонно твёрдые души. Старуха была одета в тёмный косоклинный сарафан и по-старообрядчески повязана низко надвинутым на глаза тёмным платком.

Старчески внимательным взглядом больших чёрных глаз с расходившейся от них паутинкой тонких морщинок всматривалась она в неожиданных, поздних гостей. Но тотчас же её строгое, иконописное лицо осветилось приветливой улыбкой.

– Да это, никак, Афанасьюшко? – разглядела она.

– Он самый, – отозвался Афанасий Авдеич, стаскивая шапку и рукавицы.

Крепко ударяя себя двуперстым крестом, он истово помолился на образа, а затем отвесил поясной поклон старухе.

– Здорово, матушка Зиновия Варсонофьевна, – церемонно приветствовал он её.

– Здорово, Афанасьюшко Авдеевич, – в тон ему, густым певучим контральто отвечала матушка Зиновия.

– Прости меня, Христа ради, матушка!

– И меня прости, ради Христа!

– Бог простит.

Лишь после того, как был выполнен этот сложный ритуал скитского «целования», Афанасий Авдеевич заговорил обычным тоном и языком.

– Ну, каково побегиваете? – спрашивал он, снимая с усталых плеч котомку с провизией и гостинцами и раздеваясь.

– Молитвами наших милостивцев, христоробивых благодетелей, живём помаленьку, скрипим старыми-то костями, – улыбнулась на свои старческие немощи старуха.

– А ты хорошо угадал, Афанасьюшко, очень даже к разу.

– А что?

– Отец Маркелл здесь, – со значительным видом шепнула старуха.

– Да ну-у? – радостно изумился Афанасий Авдеич. – Вот хорошо-то! Верно, что к разу подоспели, мать.

– Здесь, здесь... Вчерась пришел. У отца Харлампия, рассказывает, в Желтоводьи погостил, – докладывала мать Зиновия, – у Домникиных маленько опнулся, а теперь, значит, суды.

Наконец она обратила внимание и на меня.

– А это кто с тобой? – спросила она у Афанасия Авдеича, пытливо всматриваясь в меня.

Вероятно, моя слишком «мирская» внешность была кричащим пятном в своеобразной скитской обстановке.

– А это дружок мой из города, – отрекомендовал меня Афанасий Авдеич. – Поохотился, вишь, посмотреть, как вы здесь живёте в лесу-то, ну приговорился, значит, ко мне.

– Чу, чево!

– Извините уж, пожалуйста, – поклонился я матери Зиновии, – что явился я к вам непрошеным гостем, потревожил ваш покой.

– Полно-ка, родимый мой, полно оговариваться-то, – успокоила она меня и с грубоватой лаской добавила:

– Сымай-ка лучше шубу-то, да проходи в горницу, гостем будешь. Погрейся тамо-ка у очажка. Замёрз, поди?

– Да, порядком, таки, и назябся и устал, – чистосердечно признался я.

Окоченевшие, распухшие от холода пальцы плохо повиновались мне, когда я растёгивал пуговицы своего пальто.

– Ну, ну... Как не уходиться, – посочувствовала мать Зиновия. – Тоже, ведь, не близко место до нас шагать-то. Афанасий-то привычный, а твоё дело, поди, совсем другое... Ну, да и студёно сегодня. Озером-то, поди, больно задувает?

– Здоровенько, – отозвался Афанасий Авдеич, отрывая наставшие на усах и бороде ледяные сосульки и морщась от боли. Сегодня ветер-то с табашной стороны, да и крепко дует, стра-а-асть.

«Табашной» стороной назывался север, вероятно потому, что в этом направлении находился Нижне-Култымский завод – гнездо «табашников-никониан».

– То-то я и говорю: студёно. Давай-кось, давай, родимый мой, разболокайся, да грейся скорее, – повторила своё приглашение мать Зиновия.

Пока я раздевался и приводил себя в порядок, Афанасий Авдеич уже прошёл вперед, в следующую комнату, и слышно было, как он там здоровался, также многосложно и церемонно, с невидимыми пока для меня «батюшкой, отцом Маркеллом» и «матушкой Еликонидой».

Ему отвечал слабый, глухой старушечий голос и чистый молодой тенор.

И странно было встретить, когда я прошёл туда же, вместо человека средних лет, каким я, было, вообразил себе обладателя свежего тенора, – странно было встретить серебряно-белого старика, с наружностью библейского патриарха.

Отец Маркелл сидел на лавке, освещённый ярким пламенем топившегося очага. В своей длинной белой холщовой рубашке, таких же портках и мягких «обутках», с белоснежной, спускавшейся почти до пояса, бородой, с белыми, до плеч, вьющимися на концах волосами, с ясным и необыкновенно благодушным взглядом, – он сиял величавой красотой маститой, спокойно-мудрой старости.

И за этой внешней красотой чувствовалось и красноречиво сказывалось во всём облике патриарха глубокая внутренняя красота и богатство духа.

Такие лица встречаются на картинах Нестерова и, мне кажется, бываю у тех, кто честно и чисто, не уклоняясь от веле-ния совести ни вправо, ни влево, прошёл длинный жизненный путь и безбоязненно готов перешагнуть ту таинственно-жуткую грань, которую называют смертью.

И так велико и неотразимо было обаяние этого необыкновенного старика, что я невольно молча поклонился ему в пояс и так же молча, поясным поклоном, ответил мне и он.

Очень интересна и оригинальна была также и сидевшая у огня, на низеньком табурете, старуха с аскетически-измощённым лицом. Она была одета в такой же костюм, как и мать Зиновия, но только голова её вместо платка была покрыта чёрной, опушённой внизу, монашеской шапочкой.

На мой поклон она не ответила, продолжая сидеть с неподвижно устремлённым в одну точку взглядом.

Всмотревшись в неё внимательнее, я понял, что она слепая.

Волна добежала и до нас, охватила холодком неги и, поднявшись выше, колыхнула трепетный огонёк лампы и смутно-неопределённые тени.

– А скажи-ка ты мне, миленький, как тебя звать-то? – обратился ко мне отец Маркелл.

– Сергеем, дедушка.

– Сергей... Сергеюшко, – повторил старик и спросил:

– Сергия Радонежского, преподобного, ангелом своим почитаешь?

– Да, мои именины 25-го сентября.

– Так, так... А ты, Сергеюшко, не охотничек?

– Раньше занимался, а теперь нет.

– Ну и добре. Самое это последнее дело – божью тварь губить. Живёт она, радуется, Творца своего небесного славит, а тут пришёл человек, как злодей какой – и хлоп! Да добро бы хоть от нужды, для пропитания, а то сплошь и рядом потехи ради, особенно господа эти. О-ох, нет зверя жесточе человека, всех он лютее.

Был я, друг, как-то в городе и что, слышь, там высмотрел? Собрались, это, господа молодые да богатые и устроили себе забаву: выпускают голубей да на лету, слышь, их и бьют. Стрелять, значит, учатся на живой-то птице. Десятка три, надо полагать, этак дуром-то перегубили, право... Э-эх! дома каменные и люди, видно, каменные!

Отец Маркелл скорбно покачал головой.

Дремавшая сидя старая Еликонида нащупала изголовье и с кряхтеньем прилегла на своей жёсткой постели.

– Господи помилуй, Господи прости, – бормотала она в полусне.

III

– А порядком, таки, подмораживает на дворе-то, – сказал Афанасий Авдеич, возвращаясь с охапкой приятно пахнувших, смолистых дров. – Ветерок-то, однако, совсем стих. – И опять вместе с ним ворвались с улицы клубы морозного пара и, пробежав бесшумно и быстро по полу, растаяли вверху, колыхнув огонёк лампы.

Грузно ступая под бременем тяжёлой ноши и скрипя половицами, Афанасий Авдеич подошёл к очагу и с грохотом опустил дрова на пол.

И вдруг от сотрясения лежавшая в углу на лавке тёмная куча тряпья неожиданно зашевелилась. Сначала оттуда показались и медленно спустились на пол босые, костлявые ноги, а затем, также медленно, поднялась и уселась на лавке странная человеческая фигура.

Это была необыкновенно ветхая старуха, тоже в скитском наряде. Высохшее, землистое лицо, с явственными очертаниями черепа и тёмным провалом беззубого рта; огромные, мутные, лишённые всякого выражения и глубоко запавшие глаза; слабые, неуверенные движения, – всё это говорило о том, что это жуткое подобие человека давно уже потеряло связи с живым миром и живёт лишь потому, что смерть позабыла о нём. Это был яркий, выразительный символ беспомощной дряхлости.

– Испить бы мне, – голосом, напоминавшим сухой шелест опавших листьев, проговорила старуха и остановила на мне свой пустой, ничего не выражавший взгляд.

Может быть, она даже и не видела меня, но так было жутко находиться под этим мёртвым взглядом, что я невольно отодвинулся в сторону.

Мать Зиновия услышала слабый зов и принесла ей воды в деревянной чашке.

– Благослови, матушка, водицы испить, – прошелестела старуха, вероятно, чисто механически, в силу выработанной годами привычки, выполняя скитский ритуал.

– Бог благословит, – ответила Зиновия, кивнув головой.

Дрожащая костлявая рука взяла чашку, поднесла к беззубому рту, и слышно было, как переливалась и булькала в горле вода.

И когда старуха напилась и возвратила чашку Зиновии, она

– Сходить, ино, поколоть дровец-то, – поднялся с лавки Афанасий Авдеич. – Да за одним уж и дорожку к колодчику прочистить. А то, смотрю, совсем вы запали.

– Сходи-ка, сходи, родимый мой, – одобрила мать Зиновия, крутя веретено своими крепкими, суховатыми пальцами. – Хорошо сейчас робить-то: светло на улке-то, ровно днём.

– Где у вас топор-то? – спросил Афанасий Авдеич, одевая на кухне кафтан.

– Там, около «домовины» на лавочке лежит. А метёлка с лопатой – у поленицы.

– Ладно, найду, – донеслось уже из сеней.

Скоро со двора послышались удары, – то глухие, когда топор попадал в сучковатое, неподатливое полено, то звонкие, когда встречались сухие и прямые, легко коловшиеся сосновые дрова.

Моё внимание давно уже привлекали лежавшие на аналое книги, в потемневших от времени и рук усердных читателей переплотах, замкнутых массивными медными застёжками.

– Можно посмотреть? – обратился я к матери Зиновии.

– Отчего нельзя? Посмотри, родимый мой, посмотри, – разрешила она. – Только темно тебе, поди, будет с одной-то лампадой? Погоди ужо, я тебе ещё свечечку затеплю.

Она тяжело поднялась и, положив боком на скамью прялку с воткнутым в куделю пузатым веретеном, зажгла от лампадки вправленную в медный подсвечник жёлтую восковую свечу и поставила на стоявший в уголке маленький столик.

– Садись-ка вот сюды, – предложила она.

Тоненькая свечка скупое освещала стол.

– А лампочку нельзя зажечь? – спросил я.

Мать Зиновия строго посмотрела на меня, и я почувствовал, что допустил какую-нибудь бестактность.

– Не держим мы лампу-то, родимый мой, – холодно ответила она, поджимая губы.

– Почему?

Вместо ответа мать Зиновия взяла с аналая одну из книг и долго что-то искала в ней, перекидывая толстые, погнутые внизу, листы. Потом подала мне раскрытую книгу.

– Вот, почитай-кось, родимый мой, что тут про лампу-то написано, – показала она сухим пальцем в нужное место. Я прочёл вслух:

«Въ коимъ домѣ Огненный змѣй зельный и бѣрный,
Огнь сатанинъ лампа, въ коимъ домѣ слѣдитсѣ
мертвецъ, въ томъ домѣ погребеніе не пѣтъ, гробъ не
дѣлать и могилѣ не копать, а сволочить въ ровъ, акы
пса смердащаго»...

– Вот оно что за лампу-то полагается, – наставительно качнула головой старуха. – Обойдись уж, родимый мой, лучше восковушечкой. Пчёлкина-то жертва – она куды как хороша: не применишь, небось, к вашему-то смрадному огню.

Возражать не приходилось, и я уселся за столик.

Книга, предлагавшая столь суровую епитимию за употребление керосиновой лампы, называлась «Цепь небесная». Она была печатана не типографским способом, а рукой какого-то трудолюбивого переписчика, по всей вероятности, скитского отшельника. Многочисленные оригинальные заставки и рисунки в старинно-русском стиле, без пропорции и перспективы, грубо-откровенные и в то же время наивные, – украшали славянский текст.

На одном из рисунков изображалась «Трапеза благочестивых и нечестивых». Благочестивые – четыре человека – закусывали в верхнем этаже разрезанного по фасаду дома, украшенного башенками, колонками и орнаментами. За столом, довольно скудным, прислуживал мальчик в длинной сиреновой рубашке, зелёных шароварах и жёлтых сапогах. Позади трапезовавших, незримо для них, стоял ангел в ярко-красной одежде. Над куполообразной крышей, в верхних углах рисунка, отгороженных пёстрыми облаками, похожими на бумажные цветы, были изображены: в правом углу Христос, в левом – солнце, ярко-красное, с человеческим лицом.

Грешники – трое мужчин и две женщины в русских костюмах XI-XII столетия – устроились в нижнем этаже и, по-видимому, несравненно лучше, чем праведники. На столе, сервированном гораздо богаче, чем у благочестивых, виднелось много яств и стояли солидные бокалы для напитков. По столу разгуливали, невидимые для пировавших, лиловые черти, причём один из них, самый маленький, без церемонии уселся на край солонки для отправления естественной потребности. Слух пирующих услаждали двое музыкантов. Плачущий ангел робко жался в прихожей.

Первое, что бросилось мне в глаза, – был незамеченный мною раньше, в сумерках, небольшой могильник, теперь облитый меланхолическим лунным светом.

Под широкой сенью тёмно-пушистых старых кедров приютились восемь могил.

Тёмные, почти чёрные великаны-деревья; полузасыпанные зеленоватым в лунном освещении, искрящимся снегом, могилы; чёрные голубцы и осьмиконечные кресты над ними; и глубокое безмолвие ночи и смерти, – всё это создавало необыкновенную картину, полную задумчиво-скорбной красоты.

Восьмеро из приходивших сюда – может быть прибитые к «островку» мирскими бурями обломки – нашли здесь ничем ненарушимый покой.

Кто они – эти успокоившиеся здесь, – белые, чётко выделявшиеся на чёрном фоне крестов, славянские надписи мало говорили. «Раб Божий Артемон», «раб Божий Иоасаф», «странник Ианн Мяконьких» – и только...

Может быть, вот этот Иоанн Мяконьких, с ранних лет отравленный сладостным религиозно-мистическим ядом, не мог ужиться в обычной обстановке, где служат и Богу и маммоне, не мог удовлетвориться одними лишь мертвящими живой дух внешними формами веры.

И бросив дом, он страстно искал Бога, переходя с места на место, от одного толка к другому, и вся жизнь его была рядом религиозных этапов, с последним, заключительным этапом в этом лесу. И лежит он здесь, беспокойный богоискатель, и ждёт «трубна гласа».

А в мозгу змеится пугающая мысль: «когда-нибудь, а может быть и очень скоро, и я буду также лежать, безмолвный и безучастный ко всему, что ещё накануне было полно для меня огромного интереса»... И так страшно подумать об этом, и так странно представить мир без себя!

Но пока я ещё жив. Я жив! Об этом громко кричит каждый мой нерв. Я жив ещё, и могу любоваться захватывающей красотой северной ночи.

А ночь... Господи, какая дивная, величавая красота!

На совершенно ясном, безоблачном небе сияла серебряно-

Старая Еликонида не ошиблась, предсказывая накануне снег. Действительно, капризная погода резко переменилась, и вместо ясного морозного утра с великолепным солнечным восходом, как я рассчитывал вчера, пришёл тихий и тёплый ненастный день-нерассветай.

С гор лениво сползали густые, тяжёлые облака и, низко плывя над лесом, бесшумно роняли мягкий, пушистый снег. Медленно, как будто задумчиво, падал он крупными хлопьями и, казалось, тушил всякий звук и вся природа как будто притихла в ленивой сонной грёзе.

Кажется Бьёрнсон*, а может быть и кто-нибудь другой – не помню точно – говорил, что когда стоишь под хлопьями падающего снега, в особенности вечером или ночью, то испытываешь чувство полного одиночества. Это глубоко верно. Действительно, как будто эта белая движущаяся сетка изолирует тебя от остального мира и порой начинает казаться, что ты не в состоянии проникнуть сквозь неё.

Лес придвинулся ближе и пейзаж, казавшийся сказочно-таинственным в волшебном освещении лунной ночи, теперь потускнел, стал проще и понятнее.

Со двора вышел Афанасий Авдеич, в одной рубашке и без шапки.

– Ты чего, чудак этакой, под снегом-то стоишь? – окликнул он меня, сверкая из-под тёмных усов ровными белыми зубами. Иди горячую картошку есть, матушка Зиновия зовёт. Вишь ведь, всего засыпало.

И когда я подошёл к нему, он с безобидной бесцеремонностью сдёргнул с моей головы занесённую снегом шапку и, отряхнув её, стал смахивать ею хлопья снега с моих плеч и спины. –

Ну, заходи, – отворил он двери.

В кухне слышался аппетитный запах только что вынутого из печи хлеба. Два больших каравай лежали на откидном столике близ печи, прикрытые сыроватым грубым полотенцем, «отдыхали».

— Давай-кось закуси, родимой мой, – обратилась ко мне

* Бьёрнстjerne Мартиниус Бьёрнсон (1832-1910) – норвежский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1903 года. – Ред.

– Ну что? поглянулось? – встретила меня мать Зиновия.
– Очень, – ответил я.
– То-то и есть.
Афанасий Авдеич был уже совсем готов и торопил меня.
– Давай собирайся скорей, да пойдём, – сказал он. – Время-то уж не мало.
– Одиннадцать, – посмотрел я на часы.
– Ну, видишь, вот.
Я с сожалением вздохнул и стал собираться. А когда подошёл проститься с матерью Зиновией, то опять нарушил скитский этикет. Мать Зиновия не приняла моей протянутой руки и сказала:
– Нет, родимый мой, руки я никому не подаю.
И на мой смущённый поклон ответила низким и степенным поклоном.
– Прощай, отец Маркелл! Прощай, матушка Еликонида! Очень рад, что познакомился с вами!
– Прощай, батюшко, – откликнулась Еликонида. – Спаси тебя Христос: больно уважил ты меня, почитал нам вчера.
– Прощай, голубок!
Отец Маркелл с матерью Зиновией вышли нас провожать и, стоя рядом у входа во двор, смотрели нам вслед.
Но вот, крутой поворот тропы скрыл от нас и скит и его обитателей. Прощай, сказка!

*Екатеринбург,
март 1918 г.*

«Я ожидал изменения советского строя...» (о Леониде Михайловиче Каптереве)

Леонид Михайлович Каптерев оставил глубокий след в исторической науке, краеведении и музейном деле Урала и Поволжья. Его научные исследования и художественно-публицистические произведения, даже спустя десятки лет после их публикации, вызывают живейший интерес краеведов и учёных, открывающих для себя и других, на основе изучения архивных материалов, не известные ранее страницы его судьбы.

Леонид Михайлович Каптерев родился 5(17) апреля 1884 г. в посёлке Нязепетровского завода Пермской губернии в семье служащего лесного хозяйства. Его отец – Михаил Николаевич Каптерев (1841-1914) работал лесным таксатором, а после переезда семьи в Екатеринбург – в лесном управлении Екатеринбургского горного округа. Мать – Людмила Александровна (1855-1927) – занималась воспитанием детей и домашним хозяйством. Кроме Леонида в семье было ещё пятеро детей: четыре брата и сестра.

Старший брат Александр (1870-1937) после окончания духовного училища был назначен дьяком прихода села Песчанское Шадринского уезда, в середине 1919 года ушёл с армией Колчака, пропав без вести для семьи. Как сейчас известно, Александр Михайлович в последние годы жизни служил священником в церкви с. Катышка Голышмановского района Омской области. 23 ноября 1937 года его арестовали по обвинению в контрреволюционной агитации (ст. 58-10 УК РСФСР) и приговорили тройкой при УНКВД СССР по Омской области к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор был приведён в исполнение 10 декабря того же года.

В мае 1989 года Каптерев Александр Михайлович был реабилитирован Прокуратурой Омской области. Причислен к Лику Новомучеников Русской Православной Церкви¹.

Константин Михайлович (?-1911) был дьяконом церкви села Бруснятское (по другим сведениям – учительствовал) Бруснятской волости Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Он учился в Пермской духовной семинарии, был человеком образованным, читающим. Когда он погиб (при каких обстоятельствах – неизвестно), его вдова оказалась одна с четырьмя детьми.

По происхождению она была простой крестьянкой, малограмотной. Её устроили работать просвирней в местную церковь. Братья отца помогали ей поднимать детей. Девочек-сестёр, Клавдию и Антонину, определили в екатеринбургское епархиальное училище. Антонине в момент смерти отца было восемь лет. Впоследствии она с отличием закончила епархиальное училище и вышла замуж за Лапина Владимира Васильевича, уроженца села Сылва Шалинского уезда.

По воспоминаниям их дочери Вероники, ей пришлось поработать и в школе, и на ликвидации неграмотности, и секретарём, и делопроизводителем. А заканчивала она свою работу в должности заведующей канцелярией Свердловского горисполкома в военные и послевоенные годы.

Вероника Владимировна (1938 г. р.) была единственным ребёнком в семье Лапиных, окончила филологический факультет УрГУ и всю жизнь прожила в Свердловске (Екатеринбурге), работая по специальности. После выхода на пенсию она практически до последнего дня занималась репетиторством по литературе и русскому языку для школьников разных возрастов. В последние годы жизни занималась краеведением и родословием, в том числе собирала материал о жизни Леонида Михайловича, которому приходилась внучатой племянницей. По словам помогавшей ей в сборе материалов Плаксиной Марины Григорьевны (в то время – главный библиограф отдела краеведческой литературы Свердловской областной библиотеки им. В. Г. Белинского), Вероника Владимировна вела дневник и трепетно собирала и хранила документы своих родителей.

Будучи человеком по-учительски требовательным и внимательным к красоте языка, даже в обыденной беседе она не снисходила до просторечия, сохраняя правильный литературный выговор слов. Сказывалась и привычка быть «на людях»: даже болея, Вероника Владимировна всегда поддерживала изящную причёску, приглашая парикмахера на дом.

Скончалась она в возрасте 70 лет в 2008 году, успев опубликовать воспоминания о своей семье и статью о Леониде Каптерева. Вероятно, весь её архив после смерти был уничтожен. Ряд материалов для публикации в журнале «Добрый малый» взял его издатель Вилен Захарович Фельдман, ныне также ушедший из жизни. Издание журнала не имело продолжения.

Свою семью Вероника Владимировна не сумела создать, поэтому детей у неё не было. Нет информации и о существовании на момент её смерти других родственников.

Остальные братья – Николай (1886-?) и Вениамин (1889-1960) – преподавали в школах и училищах Пермской губернии и (в советское время) Пермской и Свердловской областей. По информации, предоставленной Петрович Л. Ю., Вениамин Михайлович обладал большими знаниями не только в области истории, но и в литературе, в философии, в искусстве. В 30-е годы XX века подвергался репрессиям за свои убеждения, был обвинён в троцкизме, исключён из партии. Но не все обвинения были подтверждены реальными фактами, поэтому он не был лишён права работать учителем. С 1937 по 1957 гг. он преподавал историю в одной из школ г. Перми. Его жена, Татьяна Даниловна, в 1950-х годах работала в Пермской областной организации профсоюза работников культуры. Известно, что у них была дочь Клара.

Сестра Леонида – Лидия Михайловна Гилёва (1894-1942) – после окончания женской гимназии работала учительницей, с 1935 года проживала в одном городе с братом – Горьком (Нижний Новгород).

Сам Леонид Михайлович начальное образование получил в Пермской духовной семинарии. В 1908 году (по другим сведениям в 1905) окончил Московский Археологический институт со званием учёного-археолога. С 1909-го по 1931-й год жил на Среднем Урале. Александр Михайлович относился к младшему брату с большим уважением: «Самый развитый и умный из людей» – такую подпись он оставил на фотографии Леонида, сохранившейся в семейном архиве его правнука Иванова В. В.

Познакомившись с хранителем музея Уральского общества любителей естествознания Модестом Онисимовичем Клером (имя которого сейчас носит Свердловский областной краеведческий музей), Леонид Михайлович серьёзно заинтересовался краеведением. Его впечатления от познания истории и культуры Урала нашли отражение в первых литературных произведениях, опубликованных в 1916-1918 гг.²

Пролетарскую революцию, по его собственным словам, он воспринял «со страхом и недоверием», считая коммунистов «варварами и разрушителями культуры». Симпатий к Советской власти у него не было, так как «она не давала народу демократических свобод и материального благополучия».

Десять лет своей жизни Л. М. Каптерев отдал уральскому краеведению. С 1920 года он работает научным сотрудником Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), в редакции «Энциклопедического словаря», газеты «Знание и труд», журнала «Просвещение на Урале». В том же 1920 году УОЛЕ командировало Леонида Михайловича в Верхотурский, Надеждинский, Нижнетагильский и Алапаевский уезды для изучения памятников старины. В этой поездке он активно сотрудничал с руководителем Шадринского отделения краеведов В. П. Бирюковым, директорами тагильского музея А. Н. Словцовым и чердынского И. А. Лунеговым.

В 1924 году, как результат своей работы в Шадринском уезде, учёный издал книгу «Дубинщина», посвящённую восстанию крестьян Далматовского Свято-Успенского монастыря в XVIII веке и ставшей первым (и по сей день главным) исследованием по этой теме.

До 1925 года он жил в Верхотурье, где основал краеведческий музей и возглавил работу Общества по изучению Верхотурского края. После возвращения в Екатеринбург с 1925 по 1928 годы Каптерев заведовал музейным подотделом Уральского областного отдела народного образования. С 1928 года занимал должность учёного секретаря Уральского областного бюро краеведения – краеведческого центра Урала, созданного в Свердловске в 1924 году. Большое внимание он уделял литературно-краеведческой деятельности, много печатался.

В декабре 1931 года семья Каптеревых переезжает в Нижний Новгород (с 1932 по 1990 гг. – г. Горький), на родину жены.

Супруга Мария Николаевна родилась в 1899 году в селе Толмачёво Работкинского уезда Нижегородской губернии, работала библиотекарём в Екатеринбурге. Свой брак Каптеревы оформили в 1929 году.

О семейной жизни Каптеревых мало что известно. В немалой степени причиной тому послужило изъятие при аресте Леонида Михайловича в 1946 году всех личных записей, мемуаров, дневников и библиотеки, которые не были приобщены к материалам следственного дела и утрачены. В Государственном архиве Нижегородской области документов о семье присутствует крайне мало: несколько фотографий самого Леонида Михайловича Каптерева, семейное фото с женой и сыном Всеволодом (по сведениям С. В. Симановского – 1928 года рождения, судьба его нам неизвестна), некоторые письма.

В какой-то степени его биографию освещают протоколы следствия, которые изучил и привёл В. В. Кашин в статье «Об основателе верхотурского краеведческого музея (репрессированный уральский историк и краевед Л. М. Каптерев)».

После переезда Леонид Михайлович вначале заведовал плановым отделом Нижегородского районного геологоразведочного треста. Впоследствии работал учёным секретарём Горьковского института краеведения, затем – заведующим библиографического отдела и исторического кабинета Института марксизма-ленинизма (1933-1936).

«Неисправимый краевед» – так его назвал уральский краевед Владимир Бирюков – не оставил своего увлечения и «переключился на нижегородско-горьковское краеведение и местную историю». За пятнадцать лет активной деятельности в Нижегородском крае им были опубликованы монографии: «Недра Горьковского края» (1932), «Большая Волга» (1933), статьи «Нижегородский край при Петре I» (1940), «Нижегородское наместничество» (1941), книги «В Синегорских лесах» (1934), «Город Горький» (1934), историко-экономическое исследование «Нижегородское Поволжье в X-XVI вв.» (1939).

Учёный постоянно участвовал в различных научных и краеведческих конференциях. Последним его выступлением был доклад по теме «Нижегородская ярмарка» на второй городской научно-педагогической конференции «Город Горький в прошлом и настоящем (к 725-летию со дня основания)» в 1946 году. В этом же году им была закончена вторая часть исследования по истории Нижегородского Поволжья с XVIII в. до конца 50-х гг. XIX в., однако опубликовать её автор не успел.

5 июня 1946 года Л. М. Каптерев был арестован за «высказывание резких антисоветских суждений по проводимым ВКП(б) и Советским правительством мероприятиям, за гнусную и злобную клевету на руководителей партии и государства» и помещён во внутреннюю тюрьму Управления Министерства Госбезопасности. Через месяц, 12 июля, Каптереву предъявили обвинительное заключение в том, что он, «будучи враждебно настроенным, на протяжении ряда лет среди своего

окружения проводил антисоветскую агитацию, то есть совершил преступление, предусмотренное ст. 58 п. 10. ч. 2 УК РСФСР».

На судебном заседании Каптерев заявлял:

«Я выказывал недовольство Советской властью. То, что я хотел..., писать было нельзя, писать надо было по заказу. Я считал систему Советского Правительства в некоторых случаях неправильной, был недоволен карточной системой. Недовольство Советской властью вкоренилось за неполные три десятка лет, но открытой агитации никогда не вёл.

Советскую власть считал недостаточно демократичной, она не является выразительницей воли народа. Я был недоволен суровым судебным приговором в отношении врагов народа Рыкова и Сулимова...

Во время Отечественной войны я никогда не стоял на пораженческой политике и не желал победы немцам, для меня каждое поражение Красной армии было очень больно... Я ожидал изменения советского строя, но не смены его...».

7 августа Горьковский областной суд приговорил его к семи годам исправительно-трудовых лагерей и поражением в правах на три года с конфискацией имущества. Точная дата освобождения учёного не известна. Не возобновилась и его исследовательская деятельность.

Скончался Леонид Михайлович Каптерев в возрасте 73-х лет 31 января 1958 года в городе Горьком. Постановлением Президиума Верховного суда РСФСР 29 мая 1963 года приговор в отношении него был отменён и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

Неопубликованная рукопись последнего труда краеведа – «Нижегородское Поволжье XVII-XIX веков. Ч. II» – в 1985 году была передана его вдовой Мариной Николаевной в Центральный архив Нижегородской области (Ф. 5861. Оп. 8. Д. 3).

Следы прямых потомков семьи Каптеревых (сына, внуков) нам выявить не удалось. По сведениям правнучки Каптерева А. М. Петрович Л. Ю., изучающей родословную Каптеревых, ей удалось установить более двадцати представителей этого рода, проживающих в России и Белоруссии. В основном это потомки Александра Михайловича, имевшего 7 детей.

С. Чумаков

¹ Забвению не подлежит: Книга памяти жертв политических репрессий Омской области. Т. 4. Омск, 2001 г. с. 76.

² Каптерев Л. М. Тени прошлого // Уральское хозяйство. 1916. № 5. С. 10-15; Здесь и там // Уральское хозяйство. 1917. № 2. С. 3-5; Счастье маленьких людей // Уральское хозяйство. 1917. № 4. С. 8-13; К новой жизни. Изд-во Совета кооперативных съездов. 1919; Островок: очерк. Изд-во Совета кооперативных съездов Урала. 1919.

Публикации о Каптереве Л. М.:

Борисов А. Г. Верхотурский краеведческий музей в 20-е годы // Вестник истории Верхотурского уезда. – Верхотурье, 2010. – Вып. 1. С. 14-15.

Зарубина Л. В. «Неисправимый краевед»: документы о жизни и деятельности Л. М. Каптерева в фондах ЦАНО. Доклад на 436 Краеведческих чтениях, 25.11.2015 г. Нижний Новгород. Опубликовано: <http://www.opentextnn.ru/history/historiografy/historians/ros/n/?id=6203>

Кашин В. В. Об основателе верхотурского краеведческого музея: (репрессированный уральский историк и краевед Л. М. Каптерев) // Гороховские чтения: материалы IV региональной музейной конференции. – Челябинск, 2013. С. 350-358.

Лапина В. Краевед Леонид Михайлович Каптерев // Уральская старина (к 285-летию г. Екатеринбурга): литературно-краеведческие заметки. – Екатеринбург, 2008. С. 182-186.

Лапина В. Мои родители // Добрый малый. – 2008. № 1/2 (23-24). С. 72-75.

Пудовкин С. И. Он дружил с Бажовым // Тагильский вариант, Нижний Тагил. – 2012. № 37(86). 25 окт.

Симановский С. В. Жизнь и труды краеведа Л. М. Каптерева // Проблемы идентичности современного российского общества: политика, право, экономика, экология, идеология, духовность: материалы международной научно-практической конференции – Нижний Новгород, 2007. С. 207-215

Тагильцева Н. Н. Судьбы уральских краеведов // Интеллигенция России в конце XX века: система духовных ценностей в исторической динамике: тезисы докл. и сообщений Всероссийская научная конференция, посвящённая памяти профессора В. Г. Чуфарова. – Екатеринбург, 1998. С. 144-145

Тагильцева Н. Н. Во дворце из кедрового леса... : [Об уральском краеведе Л. М. Каптереве, основателе Верхотурского краеведческого музея] // Уральский рабочий. Екатеринбург, 1998, 29 сент.

*Л. М. Каптерев,
ориентировочно 1913-1917 гг.
Из семейного архива Иванова В. В.*

*Участники 3-й Окружной краеведческой конференции, 21-24 июня 1928 г., Нижний Тагил.
Л. М. Каптерев - второй слева во втором ряду (фото предоставлено В. Кашиным).*

*Леонид Каптерев с женой Марией Николаевной и сыном Всеволодом,
фото 1-й пол. 1930-х гг. (ЦАНО ф.Р-5861, оп. 8, д. 10, л. 1).*

*Фото из архивно-следственного дела, 1946 год
(предоставлено В. Кашиным)*

Список основных работ Каптерева Л. М.

Островок. Из жизни уральских старообрядцев. – Екатеринбург: Совет екатеринбургских окружных кооперативных съездов, 1919.

К новой жизни. О новых формах ведения сельского хозяйства. – Екатеринбург: Совет екатеринбургских окружных кооперативных съездов, 1919.

Дубинщина. Очерк по истории восстания далматовских монастырских крестьян в XVIII в. – Екатеринбург, 1924. (2-е изд. Шадринск, 1929).

История Урала (русская колонизация). – Свердловск: Уралпрофсовет, 1927.

По Уралу. Маршруты экскурсий (в соавторстве с Гензель В. А.). – Свердловск: Уралпрофсовет, 1927.

Заселение Тагильского края (ист. эконо. очерк) // Материалы по изучению Тагильского округа. Вып. 2. – Н.Тагил: ТОИМК. 1928. С. 3-30.

Как русские пришли на Урал. – Свердловск, 1930.

Изучение недр Горьковского края. – Горький, 1933.

Большая Волга. – Горький, 1933.

В синегорских лесах. – Горький, 1934.

Город Горький. – Горький, 1934.

Нижегородское Поволжье X-XVI веков. – Горький: Горьковское обл. изд-во, 1939.

Серия «ИЗ ЖИЗНИ УРАЛЬСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ»

В серию входят книги, посвящённые истории старообрядчества на Урале, отдельным личностям, населённым пунктам, которые являлись и являются сегодня центрами старообрядчества, культовым сооружением и святым местом. В рамках серии планируется как переиздание старых, ставших библиографической редкостью, а порой и неизвестных ранее, произведений, так и публикация работ современных исследователей «древлего православия».

Издательство надеется, что книги из этой серии привлекут внимание не только исследователей уральского старообрядчества, но и всех, кого интересует духовное наследие предков и история края.

ВЕСЁЛЫЕ ГОРЫ: свидетельства очевидцев

Рассказы о Весёлых горах - наиболее чтимых уральскими старообрядцами мест - написанные очевидцами и участниками паломничеств и молебствий, проходивших в начале XX века.

ВЕСЁЛЫЕ ГОРЫ – УРАЛА КРАСА: духовные стихи

Стихи о Весёлых горах, созданные в начале XX века паломниками этих святых мест.

Алексей Корюков.

В ОГНЕННОЙ КУПЕЛИ (очерки о старообрядцах)

В своих размышлениях автор проводит параллель от раскольников XVII века к сегодняшним старообрядцам, описывает жизнь своих родственников и земляков – приверженцев старой веры.

Макарий Огибенин. ДЕНЬ В РАСКОЛЬНИЧЕСКОМ СКИТУ

Основу книги составляет рассказ православного священника Огибенина Макария Мартиновича о посещении им раскольниковского скита в Пермской губернии. Текст подготовлен на основе оригинального издания, вышедшего в Санкт-Петербурге в 1902 году.

Денис Щербина. ВЕРХНЕЙВИНСКИЕ СТАРОВЕРЫ

Книга уральского краеведа и православного историка содержит очерки по истории и обычаям староверов посёлка Верх-Нейвинский, являвшегося одним из оплотов старообрядчества горнозаводского Урала.

Данная электронная книга подготовлена Уральским Провинциальным Издательством на основе оригинал-макета печатного издания, выпущенного в 2019 году.

Уральское Провинциальное Издательство (Урализдат) осуществляет подготовку и издание книг в печатном виде и цифровом формате (Е-book).

Основная тематика изданий - история и краеведение Урала, проза и поэзия уральских писателей.

Подробно с деятельностью издательства и продукцией можно познакомиться на [сайте http://uralizdat.ru](http://uralizdat.ru).

Приглашаем на [Facebook](#), [Youtube](#) и [Calaméo](#)

Наши книги можно приобрести на сайте издательства.

Контакты:

e-mail: uralizdat@gmail.com, uralizdat@bk.ru

Директор издательства: Чумаков Сергей Викторович
тел. 8-922-221-46-16

Технический редактор: Чумаков Илья Викторович
тел. 8-950-190-43-46

Ещё несколько дней тому назад я находился в большом, многолюдном и шумном городе, был там, где ключом била жизнь, где кипела жестокая борьба, проявлявшаяся в бесконечно разнообразных формах, и сам участвовал в этой борьбе.

И, вот, как будто какой-то волшебной силой я переброшен в этот забытый, тихий уголок. Передо мной отдёрнулся краешек завесы прошлого и я воочию вижу старую Русь, нахожусь в обстановке шестнадцатого столетия.

Спасибо старообрядчеству: упорно, с огромными жертвами и целым рядом мученических подвигов, оно на протяжении почти трёх веков отстаивало нашу самобытность и святую старину и нерушимо сохранило нам драгоценные живые памятники древнерусского уклада жизни...